

Ирина Львовская

Трудный выбор

Сборник рассказов

16+

Ирина Львовская

Трудный выбор.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36082035

SelfPub; 2018

Аннотация

Выбор у каждого свой и у моих героев тоже. Будь то семнадцатилетняя Машка, решающая сложный вопрос: оставить ребенка в детском доме или нет, или будь то взрослый успешный мужчина, решающий позвонить или не позвонить понравившейся девушке... И судьба, когда приходится делать трудный выбор, оголяет, словно незащищенный нерв, всю человеческую природу героев, все страшные тайны и прошлые ошибки, позволяя читателю сопереживать и ненавидеть, удивляться или надеяться на лучшее...

Содержание

Чёрный кот	4
Трудный выбор	9
Возвращение	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Чёрный кот

Солнце радостно выглянуло из-за облаков, пригрело пробуждающуюся от долгой зимы землю. Был первый месяц весны. С крыш капала искрящаяся капель, и солнечные зайчики весело прыгали с зеркал проезжающих машин на непромытые после зимы окна, иногда скользили по лицам прохожих. И всё вокруг наполнялось трезвонящим, галдящим шумом.

Иннокентию Петровичу несколько дней назад исполнилось семьдесят шесть. Его никто не поздравил, а он и не ждал, знал, что не поздравят. Шаркая, едва отрывая от асфальта тяжёлые ботинки, из которых выглядывали клочки искусственного меха, сгорбившись, опираясь на самодельную трость, он двигался по тротуару вдоль центральной улицы. Старик подошёл к скамейке, стряхнул с неё подтаявший снег и тяжело опустился на разбухшие от влаги деревянные бруски.

Он всегда выбирал именно эту скамью, потому что в здании напротив, на втором этаже, находилось окно кабинета его родного внука. Внук был большой человек. О нём иногда писали газеты. Иннокентий Петрович бережно вырезал все статьи о внуке и хранил в верхнем ящике старого комода. Старик приходил сюда каждый день и без труда находил это самое окно. Он сидел с надеждой, что однажды внук отвлечётся от своих важных дел и выглянет во двор, заметит его,

подойдёт.

Разбрызгивая колёсами грязную талую воду, к зданию подъехала машина. Из неё вышел ухоженный красивый мужчина и, не задерживаясь, проскользнул в услужливо открытую охранником массивную дверь. Глаза деда на минуту засияли. Внук скрылся, а старик остался сидеть на скамье.

К полудню солнце пригрело сильнее, растопило рыхлый снег, и подошвы ботинок потонули в воде. Иннокентий Петрович задумчиво постучал по асфальту тростью, сжал губы. А когда-то этот человек выгнал в ночь молодую сноху с маленьким ребёнком на руках. Вспоминать об этом было стыдно, в висках стучало. Внук родился нескладным темноволосым мальчонкой, а сноха казалась неискренней, грубоватой девахой. Она робко двигалась по его квартире, молоко у неё постоянно сбегало, мальчик надрывался. И Иннокентий Петрович злился. Он тогда только похоронил жену, и сноха представлялась насмешкой над памятью усопшей. Иннокентий Петрович не хотел признавать себя стариком, а старость, казалось, подкралась и смотрела на него из тёмного угла. И ему стало чудиться, что молодые претендуют на его трёхкомнатную квартиру, заработанную им многолетним нелёгким трудом. Старик представлял себе, как он дряхлеет, а сын со снохой притесняют его. Подросший внук начнёт водить друзей, включать громкую музыку... И не будет у него, Иннокентия Петровича, спокойной старости. Однажды, поскандалив в очередной раз, он выгнал Лариску с ребёнком на ру-

ках из дома. И предлог тогда подходящий нашёлся. Из того вечера Иннокентий Петрович помнил только, как сквозняк громко хлопнул входной дверью, за которой скрылась сноха с внуком, а он, рассерженный, ушёл в свою комнату. Лариску Иннокентий Петрович больше не видел.

Молодец она! Хорошо сына воспитала! Старик знал, что у его внука скоро появится ребёнок. Из короткой заметки в газете. Значит, у него, Иннокентия Петровича, будет правнук. И жена внука – такая милая девочка!

Родной сын разменял трехкомнатную квартиру и выделил отцу комнату с соседями. Живя через три остановки, он не ходил, не проведывал отца.

К Ларисе Иннокентий Петрович прийти боялся. К внуку как-то подошёл, дедом представился, а тот на ходу вежливо ответил:

– Извините, я вас не знаю. Ко мне многие в родню наби- ваются, – и скрылся, как сегодня. Старик ещё несколько раз пытался попасть к внуку в офис. Но его не пускали охран- ники.

Иннокентий Петрович на мгновенье задремал. Трость вы- пала из рук, и, поднимая её, он заметил, что рядом, на един- ственном сухом островке тротуара, сидит чёрный, без еди- ного светлого пятнышка, кот.

Кот был тощий, облезлый и мокрый. Он почти не реагиро- вал на шлёпающих по лужам прохожих, лишь иногда вздра- гивал от громких звонков проезжающих трамваев. И хоро-

шо, что он такой жалкий. Кот чем-то напомнил Иннокентию Петровичу его самого, продрогшего, никому не нужного. Старик тихонько позвал кота, вытянув вперёд ладонь, будто предлагая ему что-то. Тот хотел было убежать и уже чуть присел, приготовившись прыжку, но потом, словно передумав, приблизился к скамейке. Иннокентий Петрович положил трость и взял кота на колени. Кот был не молодой и не старый, средний. И это тоже почему-то понравилось старику. Кот шевелил редкими усами, озирался, испуганно прижимая уши.

Начало смеркаться. Из окна напротив никто так и не выглянул, никто не вышел к старику.

Иннокентий Петрович расстегнул пальто и спрятал кота за пазуху. Лишь черная, с расширенными от страха зрачками голова осталась снаружи. Старик встал, опёрся на трость и пошёл прочь. Его ботинки окончательно промокли, да и одежда отсырела, но от маленького шерстяного комочка распространялось какое-то, давно забытое тепло родного существа.

За стеной пьяные голоса горланили хорошо знакомую песню про мороз, слышался звон посуды и глухие удары пляшущих ног. Значит, опять у соседей гости. Старик привык к этому шуму, перестал раздражаться. С котом на руках Иннокентий Петрович незаметно проковылял в ванную, вымыл ему лапы и вытер своим полотенцем.

Кот жадно лакал молоко, не веря в свою удачу, от любо-

го движения старика он вздрагивал, оглядывался. Потом понимал, что у него никто не отнимет еду, и снова принимался быстро лакать. Старик где-то слышал, что не стоит кота кормить молоком, но не удержался и ещё дважды наполнил блюдце.

Иннокентий Петрович сначала уложил на кровать найдёныша, слегка подоткнув одеяло, а потом лёг сам, придвинулся к коту и дотронулся до шерсти кончиками пальцев. Кот блаженно замурлыкал.

Впервые за последние время Иннокентий Петрович, не обращая внимания на всё нарастающий шум застолья, уснул с улыбкой на устах.

Трудный выбор

Детская машинка величиной с большую мужскую ладонь, словно юла, несколько раз звонко крутанулась на асфальте и улетела в траву.

– Не смей! – послышался громкий окрик молодой женщины. Представлялось сложным определить ее возраст. Где-то в пределах двадцати пяти – тридцати лет. Ее лицо выражало скорее не злость, а дикую усталость от стоящего перед ней маленького мальчика. Сын был настолько мал, что пока еще плохо говорил. Зато все его существо, от макушки до кончиков пальцев на ногах, выражало звериный протест, страшную недетскую агрессию. Мальчик поддался вперед и так сжал свои крошечные кулачки, что, казалось, он сейчас кинется на мать. От истерики его красное лицо раздулось, глаза налились злым огнем. Секунда – и он на самом деле, с ненавистью рыча, кинулся на рассерженную им же мать, коверкая и совершенно не проговаривая слова, и начал молотить ее по ногам.

– Не-ет! – это единственное, что возможно было разобрать из его эмоциональной сбивчивой речи.

– Сейчас ты у меня получишь! – глаза матери сделались такими же осатанелыми, как у него. Она подхватила своего отпрыска и несколько раз больно ударила по мягкому месту.

Вместо того чтобы расплакаться, сын зарычал еще больше

и начал швырять в нее камнями, стараясь выбрать как можно больший камушек. Эти двое невольно приковывали внимание всех, кто прогуливался в эти минуты по аллее. Женщина резко подхватила упирающегося мальчонку и потащила в сторону жилого массива, величественно возвышающегося над парком. Когда она проходила мимо Машки, то девушка увидела ее несчастное, перекошенное от душевной боли лицо. Стоя в нескольких метрах от них и облокотившись на край скамейки, потому что шел последний месяц беременности, Машка наблюдала за столь щекотливым инцидентом с отвращением и ужасом. Она еще долго смотрела им вслед, пока незнакомые ей мать и сын не скрылись в арке на противоположной стороне, по-прежнему продолжая переругиваться и драться.

«Откажусь, в роддоме от него откажусь!» – Машка присела на ту самую скамейку, на которую она опиралась, и сильно выпирающий живот, что являлся временным пристанищем для того, от кого она собиралась отказываться, без разрешения расположился у нее на коленях. Личико у будущей мамы было довольно хорошеньким, милым, выражение которого в зависимости от настроения менялось до неузнаваемости. Если Машка радовалась и чувствовала, что вокруг нее крутится вселенная, то становилась похожа на вполне сформировавшуюся девушку. Если ощущала беспомощность, как последние месяцы, то лицо казалось полудетским и растерянным. Мягкие пшеничные волосы обрамляли ее правиль-

ной овальной формы лицо. «От ребенка откажусь в роддоме, потом заберу документы из института, переведусь в какое-нибудь другое учебное заведение, и никто не узнает, что со мной произошло». – эта мысль была ей не нова. Сложно сказать, когда прошла радость от ощущения, что внутри нее живет настоящий человек, совсем еще крохотный, но стремительно растущий, и она подарит ему жизнь, когда счастье сменилось черной депрессией и пришла страшная мысль. И самое ужасное, принятая в Машкином мозгу спокойно. Все чаще она заваливалась на кровать и, отворачиваясь к стенке, смотрела в одну точку. Ночами Машка почти не спала, перематывая тысячи раз в голове одну и ту же пленку...

Стремительно ворвавшись в студенческую жизнь, Машка перепутала ее со свободной взрослой жизнью, забыв, конечно, про учебу. Позади остались школа и запреты, когда ровно в восемь она должна была быть дома. Свобода! Вот, вот она, настоящая свобода! Дурманящая, как опиум, с широким размахом крыльев. Машка единственная в их семье с детства легко сходилась с людьми, даже доверяла. Было что-то в ней беззащитно милое, что невольно хотелось приласкать, услышать ее голос. Любую колкость она умела сглаживать. В ней непостижимым образом сочетались хулиганство и чистая ангельская улыбка. Человек резких контрастов, она никогда не перегибала палку, останавливаясь именно в тот момент, когда дошла до края пропасти, почти в нее насту-

пила. Сверстники, одноклассники, просто знакомые были от нее без ума. В Машку постоянно влюблялись, но она умело держала дистанцию, никого не подпуская к себе.

Первый семестр института оказался самым счастливым временем ее жизни. С учебой у нее сложились странные отношения. С однокурсниками Машка сдружилась чуть ли не с первого дня. Но в институт больше ходила не постигать азы будущей профессии, а для того, чтобы, во-первых, не расстраивать родных, а во-вторых, общаться с новыми друзьями. И вот после недели лекций в институте в кафе с новыми подругами с курса она встретила ЕГО, атлетически сложенного веселого парня, которого звали Мишка. К своим двадцати трем годам он успел окончить институт и теперь мог вполне заслуженно расслабиться, поэтому его главной целью существования было получить как можно больше удовольствия от жизни. Он мог не работать, потому что у него был состоятельный отец. Но Машка полюбила Мишку не за свободно льющиеся рекой из его кармана деньги и не за хорошую машину, хотя это тоже играло немаловажную роль, а именно за никогда не скучающий характер. Он умел организовывать интересное времяпрепровождение, потому что для него были открыты все клубы города, любая вечеринка. К тому же Михаил слыл завидным женихом, по нему сходили с ума девчонки, из-за чего иногда между ними происходили стычки. А он почему-то выбрал ее, Машку. Завистливые взгляды соперниц добавляли их отношениям особые ощу-

щения. Машка ходила, слегка виляя бедрами, с предельно прямой спиной и высоко поднятым носом, тем самым дразня несостоявшихся подруг Мишки. Сидя в кругу друзей рядом с ним, она постоянно демонстрировала свои права на него.

И все закурилось, завертелось. Машка не успевала даже опомниться от быстрой карусели праздников и удовольствий. Все вечера рядом с Мишкой пролетали как одно мгновение, как стремительный полет на едином счастливом вдохе. Выдох она делала дома, когда захлопывались входные двери ее квартиры, и она вновь возвращалась на землю.

Именно поэтому трудную первую сессию она сдала кое-как, на слабенькие «три» с превеликими натяжками. Где было возможно, Машка списывала со шпаргалки, однако самую главную помощь ей оказал тощий очкарик, который учился вместе с ней на одном курсе. Он заходил в аудиторию следом за Машкой и глазами давал ей понять, что она может рассчитывать на его поддержку. Тогда Машка переписывала ему вопросы, и он очень быстро пересылал правильные ответы обратно. Она принимала это как само собой разумеющееся, искренне считая, что еще делает ему одолжение, поворачивая свою голову в его сторону...

В Машкином животе больно толкнулся малыш. Ее руки взлетели к нему, потом замерли на приличном расстоянии от того, чью судьбу она решала, и безвольно опустились, опали на скамью, так и не прикоснувшись к выпирающим местам, где находились либо ножки, либо кулачки... Будущая мать

давно уже не притрагивалась к животу, чтобы не привыкать. Он сам по себе. Она сама по себе. И хотя их пока связывают невидимые глаза сосуды и он живет в ней, питается от нее, морально Машка разделила их. Скоро, очень скоро эта связь оборвется.

Сидя в старом парке, зажатом по обе стороны вереницей высоких домов, Машка чувствовала себя одинокой. Почему после счастья в ее судьбе снова должна наступить черная полоса? Разве мало ее было за короткую Машкину жизнь?

Как-то, весело улыбаясь, Мишка подмигнул Машке и спросил:

– Маш, а почему ты пошла на юриста? Тебя можно было бы представить кем угодно, только не правозащитником.

– Это моя детская мечта, – коротко ответила она. Это единственное, что Машка скрывала ото всех своих подруг и знакомых. Обычный поверхностный веселый вопрос всегда возвращал ее в детство.

Жизнь Машки во многом не походила на жизнь ее ровесников. Хотя бы потому, что с четырехмесячного возраста ее воспитывала бабушка Раиса Григорьевна, у которой кроме нее были еще четверо внуков. Итого пятеро. Так получилось, что по тяжелой роковой случайности в один день погибли все ее трое взрослых детей вместе с женами и мужьями. На треклятом красном «Жигуленке» они вшестером ехали отдыхать за город, когда неожиданно на узенькой дорожке из-за поворота показался грузовик. Первой вылетела

и разбилась молодая мать Машки Дарья, ей не хватило места на несколько жестковатых сиденьях машины и поэтому пришлось сесть на колени мужа. Она немного спасла своего Антона от смертельных ран, продлив на несколько дней его жизнь. Говорят, у нее была точно такая же улыбка, как у Машки. Точнее у Машки такая же ангельская улыбка, как у матери. Самое странное, что внешне она не похожа на маму, а улыбка один в один.

Так в один день под крышей бабушкиной квартиры собрались пятеро внуков, самой младшей из которых Маше было всего четыре месяца. Но это оказалось первым и далеко не самым трудным испытанием. Спустя четыре года умерла Раиса Григорьевна. Кстати сказать, Машка плохо помнила ее, только по фотографиям. К тому времени двоюродному брату Машки Андрею исполнилось восемнадцать. Она до сих пор не понимала, как ему удалось взять над ними опеку. Через несколько месяцев совершеннолетней стала и Алла, такая же двоюродная сестра Машки. Несмотря на молодой возраст Андрея с Аллой сделали опекунами. И они вместе потянули на своем горбу Алену, Игоря и Машку. Алена была родной сестрой Аллы, Игорь – родной брат Андрея, а она, Машка сама по себе. Но в семье сильнее других любили именно ее, ей доставалось все самое лучшее, поэтому с годами Машке стало казаться, что праздник можно создать всегда. Было бы только желание. Но это сейчас, а тогда жизнь снова готовила их семье коварное испытание. Машка до сих

пор обрывками знала правду, как посадили Андрея. Знала только, что, защищая честь Аллы, он убил человека и, естественно, ничего не сказал на суде. Как-то после освобождения он спросил у нее. Вопрос был точно такой же, как спрашивал у нее Мишка. А звучал совершенно по-другому.

– Все хочу у тебя спросить, почему ты пошла на юрфак?

– Это моя детская мечта, – немного помолчав, ответила Машка. – Когда тебя посадили, я все думала: вот вырасту, выучусь и обязательно буду защищать таких, как ты. Тебе дали очень много, потому что у тебя не было хорошего адвоката. Почему ты не сказал, что защищал честь сестры? – Машка тогда мыла посуду, она закрыла кран и повернулась к Андрею.

– Я не мог сказать об этом. Алле нужно было жить дальше, чтобы не показывали на нее пальцем. Поэтому не стоит поднимать эту тему после стольких лет. Я же вернулся.

Она снова открыла кран и стала домыывать посуду. Это было правдой, все обездоленное детство Машка мечтала стать юристом. В семь лет она помнила, что очень любила старшего брата Андрея. И вдруг он исчез. Машка как раз должна была пойти в первый класс. Она ждала его, а он все не появлялся. Сколько бы она ни пыталась выяснить, где Андрей, Игорь с Аленой молчали. Но она чувствовала нервную обстановку дома. Однажды пришла вся заплаканная Алла, и только тогда Машка узнала, что его посадили. У них несправедливо забрали кормильца, опору. Им стало еще труднее,

Алла хваталась за любую возможную работу. Платили очень мало. Алена училась, Игорь тоже, и тогда же он начал подрабатывать. И только сейчас Машка поняла, почему Алла вышла замуж за Валеру. Конечно, чтобы прокормить их. Валера любил ее, кажется, давно, к тому же пообещал Андрею заботиться о них. Он уже работал и просто из жалости согласился на целую ораву в придачу к обожаемой Алле. Наверное, им повезло. В первую очередь Алле, что нашелся такой человек. Но Машка знала, что Алла его не любила. Это открытие она сделала классе во втором. Они как раз гуляли. Машка сидела на скамейке и все слышала. С трудом вспоминалась чужая женщина, которой Алла говорила, что не любит Валеру, что просто у нее не было выбора. Это так потрясло Машку, стало жалко Аллу до глубокой боли в сердце. С тех пор она еще больше чувствовала несправедливость, что посадили Андрея. Всякий раз, когда случалось что-то плохое, ей казалось, что будь старший брат с ними, все было бы хорошо. И тогда ей еще сильнее хотелось выучиться на адвоката. Но со временем Алена вышла замуж, из семьи ушел Игорь, потом женился, все устроились работать. И Машкина жизнь заиграла, стала интересней. Потому что у них осталась только она. Только ей все помогали. Когда вернулся Андрей, между ним и Машкой пролегли годы. Она с трудом вспоминала его, чужого худощавого человека, незаметно для нее ставшего взрослым мужчиной. Он был ей далеким, забытым, и к нему она только начала привыкать снова, открывая для

себя его доброту, заботу о ней. Сначала она его сторонилась, поглядывала с немым боязливым интересом, потом вдруг ее потянуло к брату. Но почему-то ослабло желание быть адвокатом. Захотелось жить, бросить на некоторое время институт, потому что совсем недавно ее главной мечтой было расстаться со школой, вырваться из унылых, монотонных дней и лететь, широко расправив крылья...

Ребенок как будто сделал сложное сальто, снова напомнив о себе. Ее руки уже не потянулись к нему, она сделала вид, что не почувствовала его. Конечно, у нее было время, чтобы не доводить беременность до такого срока. Но тогда сохранить малыша уговорил Андрей. Странная штука жизнь! Если бы не слепой случай, когда первым узнал старший брат, что она не нужна Мишке с ее ребенком. Если бы тогда всего на несколько часов его опередила Алла, все было бы по-другому.

Машка встала со скамьи и медленно пошла по аллее. Первые дни осени выдались на удивление теплыми, еще теплее, чем августовские дни, что невольно казалось: наступило новое лето. Без предварительной осени, зимы и весны. Обманчивость впечатления подтверждали только желтеющие опадающие листья. Идя по асфальтированной дорожке, Машка в траве увидела маленькое черненькое колесико, что отвалилось от машинки кричавшего мальчонки, и снова вспомнила неприятную сцену, которую наблюдала несколько часов назад. Чего они не поделили? То ли мать не нашла общего

языка с сыном, то ли сам ребенок был таким? Этот инцидент еще больше доказывал Машке правильность ее мыслей. Как же она устала! Как же хочется вновь окунуться в беззаботную веселую жизнь, в дурманящую, как опиум, свободу, с широким размахом крыльев!

Машка постаралась ускорить шаг, чтобы отделаться от назойливых воспоминаний. Мало им что ли, что они приходят каждую ночь и не дают уснуть до утра? Но сюжеты прошлого не отпускали, и, уступая им, Машка замедляла шаг. Те два неоднозначных трудных январских дня, которые решили ее судьбу, запомнились ей до мельчайших подробностей. В тот день она третий раз за неделю прогуляла институт. Если честно, это мало беспокоило Машку. Больше всего на свете ее волновал любимый.

Мишка исчез неожиданно. Иногда он пропадал на несколько дней, тогда Машка начинала нервничать, потом снова появлялся весь такой оживленный, радостный, и она его прощала. Он звонил по телефону, и, вместо того чтобы обидеться, ее радостный голос выдавал, что Машка предельно счастлива. После телефонного звонка Михаил подъезжал к дому на своей классной машине и забирал ее на глазах соседей. Иногда она поднимала голову и видела, что за ними из окна наблюдают ее домашние. Тогда все существо Машки наполнялось самыми радостными чувствами. Не звоня несколько дней, Миша лишал ее крыльев. А ходить

по земле Машке не нравилось. Чтобы жить полной грудью, ей требовалось парение и Мишка.

И тогда Машка решила отыскать его. Раньше она не собиралась ему звонить, а тут вдруг сильно-сильно захотелось увидеть и прижаться к нему всем телом, почувствовать вкус его горячих поцелуев и снова сойти с ума от любви. Она выбрала из шкафа симпатичное нарядное платьице, хорошо сидевшее на ее безукоризненной фигуре. Несмотря на холод на улице, натянула ажурные колготки. Потом постояла, немного подумала и нерешительно надела теплый вязаный кардиган. Подкрасилась, взъерошила волосы, несколько раз встряхнула головой и стала похожа на хулиганистую, но милую девочку-подростка. И последний штрих – блеск для губ. Машка еще раз одобрительно посмотрела на себя. Мишка точно не устоит.

Она бежала в предвкушении полета с Мишкой. Прохладный январь почти не чувствовался, милое личико Машки озарялось нетерпеливой радостной улыбкой. Он, наверное, очень удивится, что это она нашла его, прибежала к нему, чего никогда не было. Потому что раньше Машка считала унижительным для себя звонить первой, назначать свидания. Но сегодня она соскучилась. Машка доехала до любимого заведения Мишки и, заметив его машину, обрадовалась. Перед входом в кафе провела по пуговицам шубки и расстегнулась, сдернула шапку, ей хотелось зайти непринужденно, по-царски красиво. Машка стремительно ворвалась, разбе-

жалась и тут увидела Мишку, нежно обнимающего другую девушку. Девушка была красивой, почти одного возраста с Машкой. Она хохотала, при этом сильно, с перебором даже запрокидывала голову и склоняя ее на плечи к Машкиному Мишке.

– Миша! – Машка почти мгновенно выросла у них за спиной.

Михаил поднял от новой пассивности свое лицо. Он все еще улыбался.

– Это кто? – спросила девушка.

– Подожди немного, – он поцеловал другую, не Машку, в губы. – Маш, давай поговорим. Отойдем?

Она только кивнула. Они сели за другой столик.

– Маш, между нами все кончено. Я люблю другую, – спокойно произнес он. Ей почему-то вспомнилось, как рассказывали знакомые девчонки, когда предупреждали насчет него, что Мишку хватает на несколько месяцев, потом он бесцеремонно бросает бывших подружек. И даже показывали только что брошенную им, ради Машки, девушку. Наверное, она так же сидела, слушала его спокойный голос и видела, что Мишка нисколько не чувствует своей вины.

– А я? – глупо спросила Машка.

– Давай не будем все усложнять, мы свободные люди, замечательно провели время. Все было супер. Но сейчас я люблю другую. Я ведь ничего тебе не обещал.

– Ты говорил, что любишь.

– Любил.

– Я отдала тебе себя, – чуть слышно сказала она.

– Маш, не стоит этим шантажировать. Я тебя об этом не просил. Не я бы – другой. В чем разница?

Это добило ее. У нее не хватило сил устраивать истерику. Хотя первой мыслью при виде этой девицы было надавать ей по морде. Машка встала и пошла, безвольно таща чуть ли не по полу сумочку. Когда она вышла из кафе, ей стало плохо. Пересилив себя, она все же поплелась, хотя сильно кружилась голова. Руки не поднимались, чтобы натянуть шапку. В глазах вдруг начало темнеть, появились круги, летящие звездочки. Только бы не упасть в обморок на его глазах! Машка шла и шла, глотая соленые слезы, чувствуя ладонью шершавую стену какого-то здания. Она свернула за угол и тут увидела высокие металлические ступени. Машка села на холодный металл, подтянула сумку и через силу постаралась надеть шапку. Пальцы не слушались, и Машка отчетливо поняла, что сейчас потеряет сознание. Она хотела зацепиться, выбраться из столь нелепого состояния, но неведомая сила оказалась сильнее ее. Машка сползла по перилам ступеней на снег и окончательно провалилась в черную бездну.

Когда Машка открыла глаза, ей все казалось, что она держится за ажурные кованые перила и пытается встать. Хорошо понимает, что нужно встать и идти домой. Но вместо этого увидела себя на тяжелой железной каталке. Вокруг мелькали лица людей, больничные стены, быстро-быстро бежал

потолок, и только тогда Машка поняла – ее куда-то везут.

– Очнулась? – спросили у нее. – Совсем с ума сошла, на морозе без шапки и в тонких колготках! Куда только родители смотрят?

– У меня их нет, – прошептала Машка. – Давно нет, – за чем-то добавила она. – Куда меня везут? Я домой хочу.

– Будешь здорова – пойдешь домой. Сейчас говори телефон родных, знакомых. Кто-то же у тебя есть?

Машка, еле ворочая языком, произнесла номер телефона Аллы. Потом закрыла глаза, слезы катились из-под ресниц. Мишка не только не расправил Машке крылья, он оторвал их. Раз она не может летать, пусть тогда везут на больничной каталке. На них, наверное, и покойников возят? Машка чувствовала себя примерно также. Ее катали по кабинетам две невысокие женщины: одна впереди, другая позади, втаскивали, вытаскивали и шли дальше, в другое место. Она не спрашивала, только выполняла приказы.

– Беременна, – утвердительно сказал пожилой мужчина.

Машка подскочила от неожиданности. В ее молодую голову такое вообще не приходило. Девушку привезли в палату. Ближе к вечеру пришла Алла. Она была в белом, немного мятом халате и бахилах.

– Доигралась? – устало спросила Алла. Значит, уже все знает.

Машка не нашлась, что сказать. У нее была заплаканная физиономия с опухшими веками.

– Собирайся домой.

– Меня отпустят? – с подозрением спросила Машка.

– С таким диагнозом, как у тебя, не держат.

Второй раз ее не пришлось просить. Она быстро собралась и, держась за Аллу, поплелась по больничному коридору. Тем вечером из домашних Машку никто не трогал, не лез в душу, с ней обращались ласково, предупредительно, словно с тяжелобольной.

На следующий день, хоть Машка и помнила, что обещала Андрею пойти в институт, она поехала к Мишке. Она думала, что простит ему ту девушку и сообщит о радостном событии. Мишка встретил Машку холодно, его губы были зло стянуты в одну ниточку, брови нервно сведены к переносице.

– Миша, а у нас будет ребенок.

– Маш, ты ничего не могла придумать умнее? Меня это не цепляет. И жениться на ком бы то ни было в ближайшие десять лет я не собираюсь.

– Но это правда! – Машка сидела перед ним несчастная, потерянная.

– Ты хочешь от меня денег?

– Нет! – ее словно ударило током, лицо передернуло. – Мне не нужны твои деньги! Можешь перед другими дурами ими крутить! А ребенка я рожу! Понял?! Ты потом поймешь и прибежишь ко мне! Только пушу ли я тебя?!

Она выскочила из кафе и понеслась куда глаза глядят. До дома Машка добралась с трудом. Когда ей открыл дверь Ан-

дрей, она упала в его руки.

– Он меня бросил! Я не нужна ему! Что мне делать? Что же мне делать? – размазывая по лицу слезы, стонала Машка, истерично плача.

Он стянул с нее сапоги и шубу.

– Сами воспитаем, Маша. Сами вырастим, я помогать буду, – Андрей прижал Машкину взъерошенную голову к себе, начал гладить. – Дети – это счастье. Что теперь делать? Взрослеть!

Машка посмотрела на него сквозь слезы и обняла.

– Ты хороший, настоящий, – она поднялась со стула в коридоре и пошла вглубь квартиры. – Я не хочу ребенка. Не хочу его воспитывать.

– Машка, но ведь это человек, пусть еще маленький, еще не родился, но ведь человек, как мы с тобой. Нельзя так говорить. Он ждет от тебя поддержки, любит тебя просто так.

Машка обернулась к Андрею и вдруг улыбнулась.

– Он – человечек? Он меня любит?

– Конечно, – Андрей долго говорил, как потом этот человечек будет ее любить, каждую ночь забираться в постель, ждать ее с института, потом с работы, делиться впечатлениями, показывал, какие у него будут крохотные ножки, ручки, нелепые движения, рассказывал о маленькой Машке. Но говорил с такой любовью, что она успокоилась, поверила в свое счастье.

– Я буду мамой, – на Машкином лице просияла радостная

улыбка.

Потом она ушла в свою комнату и спокойно уснула до вечера, пока в комнату не пришла Алла. Машка проснулась от того, что сестра присела на краешек ее кровати.

– Маш, давай поговорим серьезно, – Алла смотрела в лицо Машки.

Та только спросонья заморгала.

– Как я понимаю, Мишка от тебя отказался? Что ты будешь делать?

– Он вернется. Он думает, что я его обманываю, но потом поймет и вернется.

– Маш, никто не вернется, – тихо сказала Алла.

Машка хотела возразить, но вдруг отчетливо поняла это сама.

– Ты не работаешь, – также тихо продолжила старшая сестра, – пока только учишься. Ты не смогла поступить на бюджет, поэтому приходится платить. Он тебе не будет помогать. Что будешь делать? Маша, сними розовые очки, ты учишься еле-еле. Как ты будешь жить дальше?!

– Я не откажусь от своего ребенка! Он живой, понимаешь, живой! А ты Алка – бездушная! – Машка заголосила. В комнату вбежал Андрей.

– Алла, не трогай ее, – попросил он.

– Откуда ты только, Андрей, свалился? Со своими гуманными рассуждениями. Из прошлого века к нам? – в сердцах сказала Алла.

– Раньше ты этого не говорила.

– А ты о ней подумал?! О нас подумал?! У Машки вся жизнь впереди. Зачем ты ей голову морочишь своими рассказами о прекрасном будущем?

– Я буду ей помогать, сам пробьюсь и ее вытащу.

– Что же вы делаете?! – Алла беззвучно заплакала. С работой у Андрея совсем не получалось, он сам мыкался случайными заработками, – Машка – бестолочь, милая, хорошенькая, но бестолочь. И все снова ляжет на мои плечи? Сколько можно? Да, мне жалко этого малыша с его беспутной мамашей. Но что с того? Сейчас все так делают. Потом устраивают свою жизнь и рожают новых детей, – на одном дыхании сказала она, впервые резко для самой себя. Но уже накипело.

Машка была непреклонна, вдруг уперлась, замкнулась. Уговоры ни к чему не приводили, они вдвоем с Андреем ополчились на Аллу.

– Делайте что хотите, – Алла плюнула и хлопнула дверью.

Под воспоминания январских дней Машка даже не заметила, как пришла к подъезду. Тогда она не уступила Алле и сохранила беременность. Но как же сестра была права! Машке приходилось трудно. Оказалось, что институт никто не отменял, как не отменили экзамены и зачеты. Однокурсники смотрели на Машку кто с сожалением, кто со злорадством, особенно те, кто мечтал о Мишке.

«Все равно откажусь от ребенка в роддоме», – поднимаясь на лифте, твердо решила Машка. Она прошла в квартиру,

разулась и поплелась в кухню, где находился старший брат.

И буднично сказала Андрею:

– Я, наверное, откажусь от ребенка в роддоме.

Он оторопел, глядя в ее беспощадное лицо.

– Хорошо. Вот так и надо было нам сделать с Аллой, когда умерла бабушка. Сдать вас всех в детдом, особенно тебя. И у меня было бы намного меньше проблем! Права Алла, откуда я с такими гуманными наклонностями? Никогда не думал, что мне об этом скажут, – впервые Машка увидела Андрея разъяренным. Он говорил без крика, но веско, точно подбирая слова. – Тебя больше всех любили, больше всех баловали. Не спорю, была нужда, было голодно, плохо, было страшно. Но ты, Маша, жила в семье, не с чужими людьми. Ты знала, что ты придешь домой – тебя поймут, обнимут. Тогда за что же ты его обрекаешь на детдомовское одинокое детство? – Андрей повернулся и пошел из кухни, где происходил разговор.

Машка кинулась за ним, повисла у него на руке.

– Андрюшенька, да не смогу я выучиться в институте с ребенком на руках, не смогу сидеть ночами, не смогу поднять его на ноги! И кому я такая буду нужна? Кому?! – Машка беспомощно с огромным животом забежала перед братом. Слезы катились по ее щекам градом.

– Сможешь! Соберешь все силы в кулак и сможешь. Выучишься, на ноги встанешь. Смотри, у тебя вся жизнь впереди! – встряхнул ее Андрей, потом выскочил из кухни, но

через минуту вернулся. – А у тебя, Машка, гены твоей бабки проявились.

– Почему?!

– Знаешь, о чем просил твой отец перед смертью нашу бабушку? Когда мы пришли к нему, единственному уцелевшему после аварии, дядя Антон знал, что умирает, так вот он просил только об одном: «Машку не отдавайте в детдом! Только Машку не отдавайте в детдом!» Он цеплялся за руки бабушки, смотрел в мои глаза и шептал: «Машку не оставляйте!» Все время одно и то же. Машку, Машку! И что из этой Машки получилось? Дядя Антон был детдомовец, от него отказалась его мать еще в роддоме. Вот я и говорю, что ты такая же. Не наша порода!

– Детдомовское не может быть одиноким, – выкрикнула Машка.

– Одиноким человек бывает, когда он никому не нужен, – резко ответил Андрей, вновь выскочил из кухни и больше не возвращался.

А ночью Машка почувствовала, что тот, кого она отделила от себя, просится на свет. Она подошла к двери в спальню Аллы и, облокотившись на косяк, громко заскулила. Из комнаты выбежала старшая сестра, потом все засуетились, и будущую мамашу вскоре доставили в роддом. В присутствии медперсонала, когда ее осматривала врач, Машка вдруг сказала:

– Все равно откажусь от ребенка.

Присутствующие многозначительно переглянулись, и с этой минуты к Машке негласно изменилось отношение. Ей меньше всех уделяли внимание, больше других поругивали, она лежала на кровати и корчилась от боли. К самим родам ее привели в родблок. Врач, принимающая роды, посмотрела и, разозлившись, закричала:

– Обвитие пуповины. Расслабься, сейчас ведь задушишь!

– Что? – Машка встрепенулась. – Как задушу? Не надо, не хочу! Спасите его!

– Тебе же все равно, ты от него откажешься, – пожалала плечами медсестра.

– Не откажусь, я его с собой заберу! – умоляюще застонала Машка.

– Да расслабься ты! – уже спокойнее попросили ее.

И Машка, срываясь на крик, старалась слушать указания медперсонала. А потом родился он, маленький смешной Данилка. Мамаша, рассматривая его, спросила:

– А он красивый?

– Красивый, – согласились с ней.

– Ну что, горе луковое, никому не отдашь свою кровиночку? – поинтересовалась врач.

– Не отдам, – подтвердила Машка.

– Вот и умничка, только напугала нас.

– Просто мне было одиноко и страшно, – и Машка сквозь слезы улыбнулась, продолжая рассматривать малыша. Это было новым, еще непонятным периодом Машкиной жизни.

И только сейчас совершенно отчетливо она поняла, что стала мамой. И дороги назад нет.

Возвращение

Громко стуча колесами и покоряя километры, поезд варварски разрывал ночную тишину. За окном проплывали, постепенно сменяя один другого, обычные российские пейзажи. Но Андрей жадно, отодвинув маленькую синенькую шторку, рассматривал вид из окна. На его высоком лбу заметно выделялись три морщины, а переносицу и вовсе изрезали две поперечные хорошими бороздками. Серые глаза мужчины неотрывно смотрели на пробегающие полупустынные ландшафты, на редкие деревеньки и железнодорожные пути, лишь иногда взирали на лица других пассажиров. Его сильные мускулистые руки порой неосознанно сжимались, тем самым выдавая волнение. Но в целом он производил хорошее впечатление, скорее из-за того, что у него было спокойное дружелюбное лицо. Андрей почти ни с кем не разговаривал, после девяти лет разлуки он торопился домой. И те несколько дней в поезде казались трудным, почти невыносимым испытанием. Как тогда, когда девять лет назад его посадили в тюрьму... Свобода давила на затылок, тревожила сердце, окружающий мир волновал, незнакомые и родные запахи будоражили накаленные до предела чувства, а неузнаваемые станции уже новой страны вселяли надежду. Андрея посадили в Советском Союзе, вышел в России. Часто он поднимался и выходил в тамбур. И там, медленно, за-

думчиво доставал сигареты, потом долго машинально мял их, иногда забывая прикуривать, продолжая смотреть в ночь за пределами поезда. Зачастую сигареты крошились, вагон приятно качало, и воспоминания, навеянные стуком колес, не давали ему покоя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.